

КОСМОЛОГИЯ АЛЕКСАНДРА БАШЛАЧЁВА: НАЧАЛО ВРЕМЁН

В. А. ГАВРИКОВ

*Брянский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской
Федерации*

Статья посвящена теме сотворения мира в поэтической системе Александра Башлачёва. Поэт создаёт как минимум две модели вселенского начала: философско-этимологическую (мир творит Имя Имён, являющееся ещё и Корнем Корней), а также образно-мотивную. Первая связана с башлачёвской паронимической аттракцией: поиском сакральных созвучий. Вторая соотнесена с библейской концепцией сотворения. В песне «Перекур» поэт в сжатом виде представляет все этапы бытия мира: от шестоднева до эсхатологического завершения времён.

Ключевые слова: Александр Башлачёв, эсхатология, Библия, шесть дней творения, время, паронимическая аттракция.

За тридцать лет, прошедших с момента смерти Александра Башлачёва, о его творчестве написано более двухсот научных статей (их список приведен в последнем параграфе моей недавней книги [1]), несколько монографий, защищено как минимум четыре исключительно «башлачёвских» диссертации, тогда как практически в каждой обзорной диссертации о поэзии русского рока без Башлачёва дело не обходится. А сколько ещё упоминаний в научной литературе, непосредственно ему не посвящённой... Среди авторов, родившихся в 60-е, на сегодняшний день Башлачёв, вероятно, самый изучаемый поэт. И возможно, что рано или поздно он даже станет классиком, подобно, например, Лермонтову. Это сравнение напрашивается потому, что оба поэта ушли почти на одном рубеже: первый немного не дожил до 27-летия, второй – погиб в 27.

Об апокалипсическом коде в творчестве Александра Башлачёва написано немало. Первое обстоятельное исследование на эту тему принадлежит перу С.В. Свиридова, который в 1998 году написал статью «Мистическая песнь человека: Эсхатология Александра Башлачёва» [5], а С.С. Шаулов в своём опыте истолкования башлачёвской мифопоэтики резюмирует: «миф Башлачёва действительно эсхатологичен» [6: 78]. Не раз этой проблематики касался и автор настоящего исследования. Однако среди множества работ, в том числе и связанных с космогонией Башлачёва, я не могу назвать ни одной, которая бы касалась вынесенной в заголовок темы. Отсюда происходит новизна настоящей статьи.

Начну с рассмотрения темпоральных характеристик башлачёвского хронотопа. Ещё в кандидатской диссертации я показал, что художественная система Башлачёва удивительно упорядочена на временном уровне: в её основе лежит единая сюжетно-временная матрица. И это не зависит от того, есть ли в песне собственно сюжет (последовательность вытекающих друг из друга событий), или же песня «сугубо лирична». Каков же этот, во всех отношениях мифический метасюжет? Оказывается, что в песнях действие начинается вечером, основные события происходят ночью (лирический субъект / персонаж жив), а завершает все – утро, несущее нечто эсхатологическое (смерть, Гром, Страшный суд) [2].

Предвестием и, возможно, причиной такого эсхатологического исхода является умаление старой религии, в случае с Башлачёвым речь в первую очередь идёт о христианстве: «И наша правда проста, но ей не хватит креста / Из соломенной веры в “спаси-сохрани”» («Посошок»); «И колокольчик был выше храма» («Ванюша») – колокольчик в поэзии Башлачёва это парафраз поэта. Возможно, приведенные фрагменты были вызваны историческим контекстом – 70 лет советская власть боролась с Православием и во многом преуспела. Однако гораздо важнее их вневременной смысл.

Как понять: «куполам не накинуть на Имя Имён золотую горящую шапку» («Имя Имён»)? Это значит: Имя Имен не вмещается под своды храма – и теперь Церковь пуста? И Бог где-то не здесь? Старое учение («соломенная вера») дискредитировала себя и – «батюшка Царь-колокол расколот» («Время колокольчиков»). В таких условиях поэт вынужден, с одной стороны, стать «колокольчиком» – пророческим голосом своей эпохи, с другой, «сломать печать» («На жизнь поэтов»), разрушить храм старой веры.

Но как же начиналась эта теперь уже обветшавшая вера? Об этом в поэтике Башлачёва сведений как будто нет. Разве что в той же кандидатской я, раскручивая обратно весь это временной клубок, прихожу к выводу, что вера, как и язык, по Башлачёву, имели свою точку начала. «Религия», которую создаёт поэт, связана с языком, ее С.В. Свиридов справедливо называет «филологической верой», отмечая: «Вера Башлачёва напоминает самые разные интеллектуальные или мистические концепции – от Флоренского и Афонской ереси до хлыстовства, от символизма до авангарда» [4: 62].

По моей версии, эта «филологическая религия» прошла несколько путей трансформации: в начале было Имя Имён, которое ещё можно назвать Корнем Корней, потом от этого первослова отделились другие корни (или оно распалось на корни), затем – в пространстве синтаксиса – эти корни «обросли» профанными наслоениями – аффиксами. Чтобы вернуться к первоначалу, нужно открыть эти корни (подробно об этой «корнесловной» башлачёвской концепции см. в моей кандидатской).

У Башлачёва есть образ: Время Сбора Камней, а в песне «Имя Имён» присутствуют такие строки: «Имя Имён / вырвет с корнем всё то, что до срока зарыто». В контексте башлачёвской логоцентрической веры «вырван-

ное с корнем» читается не с растениеводческой, а в первую очередь с филологической точки зрения (ср. и образ: «корни могучие заплетутся грозными загадками», «Ржавая вода»). То есть прикосновение к Богу-Слову – есть собирание корней. Ср. высказывания Башлачёва: «Я на уровне синтаксиса как-то уже перестал мыслить, я мыслю (если это можно так назвать) на уровне морфологии: корней, суффиксов, приставок. Всё происходит из корня» [3: 599]; «Это только кажется, что существует контекст слов, на самом деле речь идёт о контексте корней» [3: 600].

Отсюда и переизбыток башлачёвской языковой игры – в первую очередь, широкое использование паронимических аттракций (парономазии). По моей версии, сталкивая современные профанные слова, кропотливо подбирая созвучия, Башлачёв пытается обрести тот первоязык-первослово, адамово наречие, где у каждого предмета и явления есть своё верное сакральное имя: вспомним, что Адам, согласно Библии, давал именно имена – животным, которых привёл к нему Бог. Имя Всевышнего в таком контексте тоже может быть названо Именем Имён, что, кстати, вполне вписывается в новозаветные трактовки, см. «Послание к Филиппийцам святого апостола Павла» [2: 9-11]: «Посему и Бог превознёс Его и дал Ему имя выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних, и всякий язык исповедал, что Господь Иисус Христос в славу Бога Отца».

То, о чём я говорил выше, это попытка найти начало мира с философско-этимологических позиций. Но есть как минимум один текст у Башлачёва, где на сотворение можно посмотреть с мотивно-образного ракурса. И эта песня «Перекур». В ней можно обнаружить множество и других подтекстов, однако я остановлюсь на тех, что связаны с началом вселенской истории. Если всмотреться в это произведение, то можно обнаружить здесь распространённое у Башлачёва представление о времени как о водной субстанции (см. песни «Рыбный день», «Ржавая вода» и др.).

Начинается «Перекур» с образа, который можно трактовать как относящийся к сотворению мира: «Кто-то шепнул – или мне показалось? / Кто-то сказал и забил в небо гвозди...». Поначалу Творец как будто примеряется к деланию: по Башлачёву, не Слово было в начале, а шёпот, и лишь потом – акт творения. Сравним это с Книгой бытия: «И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной для отделения дня от ночи, и для знамений, и времён, и дней, и годов» (Быт. 1: 14). Это и есть «забить звёзды»-гвозди: Бог творит словом – «сказал». То есть у Башлачёва – явная библейская цитата.

Кстати, у поэта в одном из последних текстов – в песне «Когда мы вдвоём» – снова возникает образ гвоздей: «Осень гвоздями вколотит нас в дрожь». Осень (вечер) у Башлачёва обозначают, как это ни парадоксально, начало вселенского цикла. Как я уже говорил, в матричном мифопоэтическом сюжете у поэта, как правило, всё начинается с вечера (осени), основное действие это ночь (зима), окончание цикла – утро (весна). Если мои рассуждения верны для всех случаев, то перед нами ещё одно свидетельство все-

ленского начала: осень – «забивание гвоздей». Обратим, однако, внимание на грамматическое время приведённой выше фразы: речь идёт о будущем – «осень вколотит». Значит, когда-то цикл будет запущен заново?

А ещё забитые в небо «гвозди – звёзды» – созвучие, которое отсылает к стихотворению Вознесенского «Гойя»: «И в мемориальное небо вбил крепкие звезды – / Как гвозди». Конечно, тематика башлачёвского произведения как будто не совпадает с пафосом Вознесенского, но это только на первый взгляд – связаны два текста образом войны. Дело в том, что заканчивается первый катрен у Башлачёва фразой: «А кто-то молчал и давился от злости». Возникает антитеза: преобразующее мир (соответственно, благое, доброе) Слово – злое молчание. О ком же эта строка? Есть все основания полагать, что речь идёт о дьяволе:

Кто-то шепнул – или мне показалось?

Кто-то сказал и забил в небо гвозди.

Кто-то кричал и давил нам на жалость.

А кто-то молчал и давился от злости.

То есть в первом четверостишии «Перекура» разворачиваются главные вселенские события: сотворение мира, падение части ангелов а также, возможно, человеческое грехопадение и изгнание из рая (не о нём ли – третья строка?). В таком случае, второй катрен песни уже вполне может быть отнесён к бытию этого, наличного мира:

И кто-то вздохнул от любви нераздельной.

Кто-то икнул – значит, помнят беднягу.

Кто-то всплакнул – ну, это повод отдельный.

А кто-то шагнул, да не в ногу, и сразу дал тягу.

Перед нами как будто тот же бытовой разлад, который запечатлён в ранних стихотворениях и песнях Башлачёва. О чём же второе четверостишие? О неразделённой любви, болезнях (чревоугодии?), о скорбях, общественном разладе и побеге – неизвестного кого и неизвестно куда (эскапизм?). Вряд ли всё это совершается в трансцендентальном инобытии.

Таким образом, два первых катрена эксплицируют башлачёвское двоемирие, причём подспудно перед нами война и на небе, и на Земле – по крайней мере, и там, и тут есть противоречия, а значит – и противостояние. То есть два четверостишия как будто обнимают всю историю мира. Тогда следующий за ними припев – должен дать им некий «знаменатель»? То есть подытожить всё происходившее и происходящее или вывести из точки равновесия систему, запечатлённую в первых восьми строках. Вот этот припев:

А время дождём пластануло по доскам стропил.

Время течёт, растолкав себя в ступе.

Вот кто-то ступил по воде.

*Вот кто-то ступил по воде.
Вот кто-то ступил по воде,
Да неловко и всё утопил.
Значит, снова пойдём.
Вот покурим, споём и приступим.
Снова пойдём.
Перекурим, споём и приступим.*

Здесь есть два важных смысловых маркера, которые мне представляются ключом к трактовке этого фрагмента. Эти маркеры – время-дождь (вода) и «снова». При их сопоставлении вырисовывается какой-то гигантский водный «временаворот»: как будто река времён течёт по кругу. Но есть ли выход из круговорота бытия? И кто это ступил по воде? И что это за загадочные действия: «покурим, споём и приступим»?

Вероятно, ключом к этим загадкам являются другие песни Башлачёва, связанные с концепцией времени – в первую очередь «Ржавая вода». Башлачёв как будто возвращается в «Перекуре» к той же теме, но на ином творческом витке. То есть встраивает уже усвоенные образы в новую смысловую парадигму.

В «Ржавой воде» время было не только влагой, но и огнём («жгло страницы»). Так вот курение тоже связано со стихией огня. Песня для Башлачёва – нечто летучее («Можно песенку прожить иначе, / Можно крылышки оборвать», «Завяжи мой влас песней на ветру»), то есть связанное со стихией воздуха. Ну а слово «приступим» в микроконтексте явно связывается со стихией воды – паронимически соотносясь с «кто-то ступил по воде», а также со ступой, в которой «время растолкло себя» (исходное выражение: воду в ступе толочь).

Обратим внимание и на такой момент: кто-то ступил неловко, всё «утопил» – испортил. Некий обобщённый лирический субъект «мы» как будто должен это исправить – через разрушающий огонь (перекурим), через созидательное слово (споём) и начинающую нечто новое воду (приступим). Отсутствие стихии земли понятно: земляное у Башлачёва связано с этим несовершенным, уязвлённым грехом миром, выход из негармоничного состояния к высшей гармонии – огненно-водная дорога в небо (см. «Пляши в огне», а также фрагмент из «Спроси, звезда»: «С земли, по воде, сквозь огонь – в небеса...»). О башлачёвской антитезе «земля – жизнь» VS «небо – смерть» мне тоже не раз приходилось писать.

Кроме того, тот, кто утопил – пошёл в одиночку: Башлачёв как будто бичует здесь индивидуализм, ср. «соборную» песню «Когда мы вместе». Те, кто пойдут затем, во-первых, будут действовать сообща, во-вторых, уже будут подготовлены и поэтому «не утопят». Хождение по воде это прозрачный намёк на известный сюжет, связанный с чудесными способностями Христа. Кто же, по Евангелию, неловко пошёл по воде? Ответ очевиден: апостол Пётр (и тут сразу подключаются все ассоциации, связанные с

привратничеством Петра, с его ключами от рая...). Усомнившись, он начал тонуть, тогда Иисус приходит к нему на помощь. Так, может, у Башлачёва здесь не «мы», а «Мы»? На слух «мы» и «Мы» неотличимы. Поэтому контекст здесь двоятся: с одной стороны, те, кто пойдёт по реке времён и исправят всё греховное, пейоративное, это Бог как Мы. В Библии очень интересно обыгрывается «нераздельная неслиянность» Всевышнего, например, в книге Исайи есть фрагмент: «И услышал я голос Господа, говорящего: кого Мне послать? и кто пойдёт для Нас?» (Исайя 6: 8). Обратим внимание: вначале местоимение «Мне», потом – «Нас». С другой стороны, мы – это нечто соборное («небо с общину», «Вечный пост»), куда входит и слушатель этой песни. То есть через «мы» поэт как бы всех слушающих песню втягивает в эту когорту преобразователей мира.

Возможно, хождение по воде есть метафора посмертного состояния: «Не плачьте, когда семь кругов беспокойного лада / Пойдут по воде над прекрасной шальной головой» («На жизнь поэтов»). Снова – вода, снова – круг. И – снова смерть? То, что в песне «На жизнь поэтов» речь идёт о смерти, нет сомнений. А вот в «Перекуре»? Складывается впечатление, что эти лирические субъектные «мы» находятся в некоем инобытии, в некоей трансцендентальности, из которой возвращаются в стихию времени, чтобы в нём, на поверхности реки-времени, нечто сотворить и вернуться в «мир иной». Если это верно, то в «Перекуре» имплицитно проявляется новый мессия, которого ожидает Башлачёв (см. песню «Имя Имён»).

Хождение по воде, кстати, связано у Башлачёва с хождением по воздуху:

*Не верьте концу. Но не ждите иного расклада.
А что там было в пути? Эти женичины, метры, рубли...
Неважно, когда семь кругов беспокойного лада
Позволят идти, наконец, не касаясь земли.
(«На жизнь поэтов»)*

Вот он – отрыв от стихии земли, вхождение в одну из трёх трансцендентальных стихий.

Есть в песне и ещё одна, на сей раз имплицитная, отсылка к библейской истории, рассмотрим в следующую фразу: «А время дождём пластануло по доскам стропил...». Что же это в Библии строилось, связанное с дождём? Со вселенским Апокалипсисом? Вероятно, ноев ковчег. Мне почему-то кажется, что эти доски и стропила – именно ноевские. Собственно, апокалипсические контексты Башлачёва скорее подтверждают, чем опровергают эту версию. А если так, то несколько иными смыслами наполняются некоторые башлачёвские образы, связанные с временем – как в этой песне, так и вообще. Получается, что время не только река, некая удерживающая субстанция, не только основа мира – но и эсхатологический меч, занесённый над этим миром. Всё смывающий Дождь.

Если копать ещё глубже, то первый Апокалипсис был водный – Потоп, второй, согласно Библии, будет огненный. Получается, что двоякая – водно-огненная – сущность воды у Башлачёва увязывается с эсхатологической семантикой. Правда, башлачёвский новый век наступит всё же скорее «водным способом» (см. «Время колокольчиков», «Имя Имён»). С другой стороны, водные апокалипсические образы у поэта – а их множество – могут быть связаны со стихией огня через Гром (в первую очередь) и молнию («молнию замолви – благослови», «Вечный пост»).

Иногда образы вселенского Дождя (росы) и Грома (грозы, молнии) даются в едином контексте, иногда отдельно друг от друга. В то время как их узувальная связь очевидна. Вот фраза из песни «Когда мы вдвоём»: «Я позвал сюда Гром – вышли смута, апрель и гроза». Именно так расставлены заглавные / строчные буквы в рукописи. Получается, что Гром это некий субъект, не знаю, уж одушевлённый или нет, но у меня он ассоциируется с ангелом Апокалипсиса, который трубит: в Библии нередко Бог или ангелы говорят так, что слышится гром.

Кроме того, несколько раз Башлачёв апеллирует к устойчивому сочетанию: «гром не грянет – мужик не перекрестится»: «Храни нас, Господи! / Храни нас, покуда не грянет Гром!» («Вечный пост»), «Наряжу стрелу воронным пером, / Да пока не грянул Гром – отпущу, да стены выверну углом...» («Когда мы вместе»). В последней фразе снова мне видится евангельский подтекст: в одном из мест Христос, ссылаясь на Псалтырь (117 псалом), называет себя краеугольным Камнем: «камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла? Это от Господа, и есть дивно в очах наших» (Мф. 21: 33). Сразу вспоминается башлачёвский паразитический фразеологизм: Время Сбора Камней – отсюда и «вывернутый угол».

Но вернёмся к Грому. Недаром так пристрастен Башлачёв к этому фразеологизму, где «мужик перекрестится». Дело в том, что в песне «Имя имён» есть очень важный образ на эту тему: лирическое субъектное «мы» просит «юную девицу Машу» – «перекрести нас из проруби да в кипяток». Конечно, эта строка есть отзвук фразеологизма «из огня да в полымя», то есть Башлачёв скрещивает эту поговорку с «гром не грянет...». В «Имени Имён» перед нами вторая часть фразеологизма – без грома, и крестительницей здесь выступает женский образ, соотносимый с Богородицей, но не равный Ей (как не равен Христу тот, кого Башлачёв называет Имя Имён, об этом см. мою недавнюю монографию [1: 86-97]).

Конечно, Башлачёв подключает оба значения слова «перекреститься»: с одной стороны, осенить себя крестным знаменем, с другой, перекреститься в новую – добавлю нью-эйджевскую, «филологическую» – веру. Этим же «перекрещиванием» заканчивается и песня «Перекур», а значит, и мировая история (?):

*Но кто-то зевнул, отвернулся и разом уснул.
Разум уснул и поэтому враз развязалось.*

– Эй, завяжи! – кто-то тихо на ухо шепнул.

– Эй, завяжи! – кто-то тихо на ухо шепнул.

Перекрестись, если это опять показалось.

Перекрестись, если это опять показалось.

Рукописи этой песни, насколько я понимаю, не сохранилось. Издатели в двух строках пишут «разом», но мне всё-таки кажется, что на фонограммах Башлачёв произносит «разом» и «разум».

К указанным выше контекстам подключается третий фразеологизм: «Когда кажется – креститься надо». Не нужно говорить, что у Башлачёва он на смысловом уровне практически полностью «пересоздаётся», «выхолащивается», чуть ли не превращается в омоним – по отношению к общезыковому. Отмечу лишь один нюанс: паронимическую аттракцию: «сказал» – «показалось». Скорее это антитеза: то, что Бог сказал (звёзды-гвозди) – вот оно, наличное, вещественное. То, что «показалось» – эфемерно, нереально, является наваждением. Вспомним теперь первую строку: «Кто-то шепнул – или мне показалось?» А теперь сравним её с последней: «Перекрестись, если это опять показалось». То есть лирический субъект предлагает: давай запустим новый вселенский цикл?

Перед началом творения был шёпот. И конце песни – снова шёпот: «– Эй, завяжи! – кто-то тихо на ухо шепнул». Некогда мой друг, услышав эту строку, рассмеялся: он воспринял «эй, завяжи» – в соединении с последним стихом текста «про показало» – как указание на белую горячку, мол, «кончай пить». Самое интересное, что и такая трактовка возможна, ср. последнюю строку «Ржавой воды»: «Время нас учит пить». Однако в первую очередь это «завяжи» относится к теме узла у Башлачёва. Об этом мне пришлось уже писать, тема масштабная, скажу лишь, что узел – это парафраз смерти, окончания чего-то глобального – с теми же апокалипсическими коннотациями. Приведу лишь один образ: «Ворвется в затяжку весна» («Тесто»). Обратим внимание здесь на эсхатологический маркер «весна», а также на полисемию слова «затяжка»: это и узел, и глоток сигаретного дыма. Второе значение так удачно сопрягается с рассматриваемым «Перекур».

Итак, песня «Перекур», на мой взгляд, есть сжатая космогоническая модель башлачёвской поэтической вселенной: от её самых первых истоков (от шёпота, который предваряет созидающее Слово) и до окончания времён через «перекрещивание» мира, то есть изменение его на новый лад, и появления итогового «узла» на нити судьбы (нити истории). А вот будет ли длиться эта нить после узла дальше? Этот вопрос я оставляю открытым.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гавриков В.А. В поэтической вселенной Александра Башлачёва: Монография. – Москва; Калуга; Венеция: Bull Terrier Records, 2019. 260 с.
2. Гавриков В.А. Мифопозтика в творчестве Александра Башлачева: дисс. ... канд. филол. наук. – Брянск, 2007.

3. *Наумов Л.* Александр Башлачев: человек поющий. 3-е изд., испр. и доп. – М.: Выргород, 2017. – 608 с.
4. *Свиридов С.В.* Имя Имён: концепция слова в поэзии А. Башлачева // Русская рок-поэзия: текст и контекст: Сб. науч. тр. Вып. 2. – Тверь, 1999. – С. 53-60.
5. *Свиридов С.В.* Мистическая песнь человека: Эсхатология Александра Башлачева // Русская рок-поэзия: текст и контекст: Сб. науч. тр. – Тверь, 1998. – С. 94-107.
6. *Шаулов С.С.* «Вечный пост» Александра Башлачева. Опыт истолкования поэтического мифа // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Вып. 4. – Тверь, 2000. – С. 70-86.

ԱԼԵՔՍԱՆԴՐ ԲԱՇԼԱՉԵՎԻ ԿՈՍՄՈԼՈԳԻԱ. ԱՇԽԱՐՀԻ ՄԿԻՁԲԸ

Վ.Ա. ԳԱՎՐԻԿՈՎ

Ռուսաստանի Դաշնության Նախագահին առընթեր Ռուսաստանի ազգային տնտեսության և պետական կառավարման ակադեմիայի Բրյանսկի մասնաճյուղ

Հոդվածը նվիրված է Ալեքսանդր Բաշլաչովի բանաստեղծական համակարգում աշխարհի ստեղծմանը: Բանաստեղծը ստեղծում է համընդհանուր սկզբունքի առնվազն երկու մոդել՝ փիլիսոփայական-ստուգաբանական (աշխարհը ստեղծում է Անունների անվանումը, որը նաև Արմատների արմատն է), և նաև փոխաբերական շարժառիթը: Առաջինը կապված է Բաշլաչևի գոյություն-դինամիկ գրավչության հետ. Սուրբ համաձայնությունների որոնում: Երկրորդը վերաբերում է ստեղծագործության աստվածաշնչային հայեցակարգին: «Ընդմիջում» երգում բանաստեղծը խտացված տեսքով ներկայացնում է աշխարհի գոյության բոլոր փուլերը. աստվածաշնչյան ստեղծման վեց օրից մինչև աշխարհի էսխատոլոգիական վախճանը:

Հիմնաբառեր. *Ալեքսանդր Բաշլաչև, էսքաթոլոգիա, Աստվածաշունչ, ստեղծման վեց օր, ժամանակ, պարոնիմիկ ներգրավում:*

COSMOLOGY OF ALEXANDER BASHLACHEV: THE BEGINNING OF THE WORLD

V.A.GAVRIKOV

Bryansk Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

The article is dedicated to the creation of the world in the poetic system of Alexander Bashlachev. The poet creates at least two models of the universal principle: a philosophical and etymological model (the Name of Names creates the world), as well as a model of motifs. The first model is associated with a paronymic attraction in the works of Bashlachev. The second model is correlated with the biblical plot of the creation of the world. In the song "Smoke Break", the poet in a condensed form represents all the stages of the existence of the world: from the biblical six days of creation to the eschatological end of the world.

Key words: *Alexander Bashlachev, eschatology, Bible, six days of creation, time, paronymic attraction.*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 27 мая 2018 г., подписана к печати в № 2 (113) 2020 27.12.2018.